

12-12-2018

Почему из русских не получились хуацяо?

Борис Цилевич, депутат Сейма

Тема русских в том или ином контексте сегодня ежедневно присутствует в повестке дня разных международных форумов и мировых СМИ. Вот и в Юрмале в начале ноября участники конференции «Балтийский форум» обсуждали «русских Запада». Среди выступающих был депутат Сейма Борис Цилевич, изучающий тему более 20 лет. Тезисы его выступления легли в основу статьи, написанной специально для «Открытого города».

Русские в Европе: 20 лет спустя

Тема новых русских меньшинств, образовавшихся после распада Советского Союза, весьма активно обсуждалась в начале 90-х годов прошлого века. В первую очередь в контексте безопасности — кровопролитные конфликты, разгоревшиеся на территориях бывшей Югославии и СССР, застали мировое сообщество врасплох, и многочисленные русские общины в новых независимых государствах воспринимались как еще один серьезный фактор риска. Впрочем, социологи тоже стремились использовать редкую возможность — наблюдать формирование новой диаспоры прямо на их глазах.

Мне тоже довелось заниматься этой проблемой. Вместе с коллегами из Норвегии и Канады я опубликовал несколько статей, даже поучаствовал в подготовке монографии. Моя последняя публикация эту тему вышла ровно 20 лет назад в Германии. С тех пор у меня другая работа, но и как действующий политик я постоянно сталкиваюсь с этим вопросом.

Что изменилось с тех пор? На основе практических наблюдений, социологических данных и новых публикаций можно отметить несколько основных тенденций. Конечно, это мои личные оценки и наблюдения, не претендующие на абсолютную истину.

1. Виртуализация

Формальное место жительства, «физическая локализация» все меньше увязывается с профессиональной деятельностью, культурным пространством и повседневным общением. Работа, просмотр ТВ и фильмов, книги, общение с друзьями, даже покупки — все это переместилось в виртуальное пространство. Можно телом находиться в одной стране, а умом и душой — совсем в другом пространстве.

Пожалуй, единственной крепкой связью со страной проживания остается система обязательного школьного образования (хотя и тут появляются все новые возможности дистанционного, удаленного обучения, пока они не могут заменить обязательное образование). Именно поэтому проблемы школ, включая языковые реформы, столь остро воспринимаются русскоязычными европейцами.

2. Лингвоцентризм

Единственным объединяющим фактором остается русский язык. Религия, традиции, ценности, стратегии интеграции, политические взгляды у русскоязычных европейцев очень разные, объединяет их только богатый и разнообразный «культурный багаж», основанный на русском языке.

3. Неструктурированность

Говорить о русских общинах в Европе можно весьма условно. Какие-то организационные формы объединяют лишь очень небольшую часть русскоязычных европейцев. Например, в Латвии насчитывается более 200 неправительственных организаций, название которых включает слово «русский», однако, по оценкам исследователей, общее количество их членов не составляет и одного процента от общей численности русских Латвии.

4. Роль в развитии экономических связей с Россией

Если коротко, то ее практически нет. Хуацяо (выходцы из Китая, проживающие в других странах - Прим freecity.lv) из русских не получились. В целом русскоязычные европейцы весьма успешны в бизнесе — видимо, и потому, что для очень многих из них карьера в госуправлении была закрыта, особенно в 90-е (правда, сейчас ситуация меняется). Отдельные люди нередко играют

существенную роль в отдельных проектах, но в целом значение русских общин как фактора продвижения экономических связей весьма невелико.

Иная ситуация в Центральной Азии, в первую очередь в Казахстане, где стратегия подготовки национальных кадров пока не привела к радикальным изменениям, и фактическая незаменимость русских в промышленности и на транспорте оказывает довольно серьезное влияние как на языковую политику, так и на политику по отношению к русскому меньшинству в целом.

5. Новая волна

В государствах Европы появились «новые россияне», эмигрировавшие из России уже после распада СССР. Частично это инвестиционная миграция, вывод капитала (в основном малый и средний бизнес), частично — учебная (европейское образование на английском, но в знакомой, комфортной среде), частично политическая, причем в последней представлен весь спектр — от либералов до радикальных русских националистов.

Пока эта группа немногочисленна по сравнению с русскими, оставшимися в Европе с советских времен, но — активная, громкая, платежеспособная, довольно бесцеремонная, потому нередко именно «новые россияне» навязывают свою повестку, создают спрос на самые разные бизнес-ниши для себя.

6. Политическое представительство

Общая тенденция — маргинализация этнических «русских партий». Парадоксально, но, пожалуй, наиболее успешны «русские партии» в Литве, где русских лишь около 5%. Союз русских Литвы регулярно получает парламентское представительство, правда, в блоках с партнерами (социал-демократами или Союзом поляков). В Эстонии «русские партии» не добиваются сколько-нибудь заметных успехов даже на муниципальных выборах, несмотря на то, что на них право голоса имеют и неграждане.

Для Эстонии и Латвии характерно появление русских фамилий в кандидатских списках и (более выражено в Эстонии) среди депутатов почти всего партийного спектра. Впрочем, и в Эстонии, и в Латвии большинство русскоязычных европейцев голосует за партии, которые позиционируют себя как этнически смешанные и выступают за включающую, либеральную политику интеграции, в первую очередь в отношении гражданства и языковой политики.

И в Эстонии, и в Латвии эти партии — Центристская партия и социал-демократическая партия Согласие — добиваются значительных успехов на выборах самоуправлений и много лет удерживают посты мэров ряда крупных городов, включая столицы — Таллин и Ригу.

Интересно однако, что если в Латвии «национальные партии» старательно огораживают Согласие «красными линиями» на национальном уровне, то в Эстонии Центристская партия не только входит в правительство, но и возглавляет его. Полагаю, причина — в значительно более высоком уровне фактической сегрегации в Эстонии (включая географию расселения), поэтому там изоляция и исключение русского меньшинства действительно может вызвать серьезные конфликты (как это уже было, например, в 1993 г.).

7. Ресеkjуритизация

К концу 90-х годов прошлого века оказалось, что ни один из серьезных этнических конфликтов в Европе не был непосредственно связан с русскими меньшинствами. Хотя ситуаций систематической дискриминации и давления в разных странах было немало, к насильственным конфликтам они не привели. Поэтому при активном участии международных организаций (ОБСЕ, Совета Европы, позднее — ЕС и в определенной степени НАТО) политика по отношению к русским меньшинствам стала очень медленно и постепенно смещаться от доминирования контекста безопасности в сторону прагматичных соображений и стандартов демократии и прав человека.

Однако события 2014 года резко изменили эту тенденцию, фактически сыграв на руку националистам. Если раньше можно было аргументированно опровергать утверждения об «опасности русских меньшинств» как паранойю, то после аннексии Крыма и начала военных действий на Донбассе это стало гораздо труднее. И общественное мнение внутри государств, и отношение международного сообщества вновь определяется соображениями безопасности в гораздо большей степени, чем стандартами прав человека и демократии, и инициативы националистов, направленные на «закручивание гаек», воспринимаются с гораздо большим пониманием.

После 2014 года для русских Европы, по сути, стал невозможен политический нейтралитет — сам факт самоопределения как русских подразумевает необходимость выбора политической позиции, ответа на сигнал системы опознавания «свой-чужой» — вопрос «чей Крым?»

Русские Европы оказались еще больше расколоты. В Латвии весной 2014 года более половины русских поддерживали российскую позицию по Крыму, около четверти осуждали действия России, остальные не имели определенного мнения. Как показывают опросы, динамика отношения русских к «крымскому вопросу» такова: медленно, но устойчиво число поддерживающих российскую позицию снижается, осуждающих — растет, причем выражена корреляция по возрасту, уровню образования и доходов, а также региональные различия.

Выводы

Итак, никакого единого «русского сообщества» в Европе нет. Среди русскоязычных европейцев представлен весь спектр ценностей и политических взглядов, в частности в Латвии эти различия даже больше, чем в латышском обществе.

Практическое влияние «структур соотечественников» весьма незначительно. Российская «политика соотечественников» менее активна и эффективна, чем у ряда других европейских государств (Венгрии, Польши, Германии и др.). Важна не столько интенсивность, сколько конкретные формы и методы этой политики.

«Закручивание гаек», дальнейшее урезание и прогнозируемая ликвидация образования на русском языке стали прямым и неизбежным следствием событий в Крыму и на Донбассе, спровоцировавших «ресеkjуритизацию» вопроса. Безотносительно к оценкам действий России, такое развитие событий стало самым неблагоприятным вариантом для русскоязычных европейцев.

События 2014 года не усилили, а, наоборот, ослабили позиции «русских» партий. Даже сторонники действий России не желают развития ситуации по донбасскому сценарию в своих странах проживания. Среди образованных и успешных русских все популярнее становятся настроения «лучше националисты, чем крымнаш».

Русскоязычные европейцы испытывают возросшее давление с двух сторон, что делает успешную интеграцию все более сложной задачей.